

Джим Моррисон: ПРИОТКРЫВ ДВЕРИ В НЕИЗВЕСТНОЕ

Сцена. - Санкт-Петербург. - 1992 - 12 дек. - с. 5

8 ДЕКАБРЯ ему исполнилось бы 49 лет. Американцу с грустными глазами, «растягивавшему умы» и по ту, и по эту стороны «железного занавеса».

Джим Моррисон. Джим — так звали его миллионы, считавшие солиста «Дорз» своим другом, «особым другом до самого конца». Он не любил этих уменьшений, всегда стремясь, чтобы его считали прежде всего поэтом. Что ж, в свидетельстве о смерти он был записан Джеймсом Дугласом Моррисоном, американским поэтом.

Джеймс — полное имя контр-адмирального сына, появившегося на свет во Флориде в 1943 году. Джим вырос в семье с давними милитаристскими традициями (его отец до того, как стать начальником штаба ВМС, командовал одним из крупнейших крейсеров мира, прозванным в шутку «Мильям Диком»).

Джим выбрал себе иной путь, изучая в университете философию протеста и психология толпы. Но наивно было бы представить Джима этаким рок-шаманом, повелевающим своими слушателями. Он начал писать свои стихи еще с пятого класса — масса тетрадок, обилие дневниковых записей. После его трагической смерти (это случилось 3 июля 1971 года в Париже) было обнаружено более тысячи шестисот страниц стихов, эссе, сценариев, пьес и «черный ящик» с последними стихами. Он мечтал увидеть свои стихи опубликованными. Его

мечта осуществилась двадцать лет спустя — в Америке был издан четырехтомник «Потерянных произведений», отдельной книгой изданы его песни, поэма «Короли и новые создания» и дневники.

Его группа «Дорз» (Уильям Блейк: «Если бы двери восприятия были очищены, то весь мир открылся бы людям в своей первозданности») стала и первой американской «командой», выпустившей подряд восемь «золотых» дисков. Джим говорил: «Есть ведомое и есть неведомое, а между ними двери. Я хочу стать этой дверью. Это попытка — открыть двери. Меня интересует темная сторона жизни, зло, обратная сторона Луны, ночь. Но нашей музыкой мы пытаемся пробиться к более светлому и чистому. Мы грязнемся в музыке, чтобы обнажить себя. Чувственность и зло привлекают нас, но это только лишь змеиная кожа, которая все равно опадает когда-нибудь. В США рок-звезда должна быть более чем где-либо связана с политикой».

Позднее он добавил: «Считайте нас эротичными политиками».

О Моррисоне написаны тысячи статей, по его творчеству защищались диссертации. Профессор истории искусств заявил в журнале «Вог», что «Джим Моррисон пишет, как Эдгар По, если бы тот вернулся и стал хиппи». Альберт Голдман, автор скандальных биографий Плюсси и Леннона, писал о Моррисоне, как о

«хиппующим Адонисе».

Джим был провозглашен «величайшим хиппи всех времен и народов».

Он был у нас кумиром интеллектуальной элиты и богемы. Там же, в Америке, на представления Короля-Ящерицы стекались сотни тысяч.

Почему — Король-Ящерица? «Не забывайте, что ящерицы и змеи ассоциируются с бессознанием и представляют злые силы. Даже если человек никогда не видел змею, он боится ее. Я думаю, что змея олицетворяет все, чего мы боимся подсознательно». И свою поэму «Праздник ящерицы» Джим называл «приглашением к темным силам».

Он был актером, признанным корифеем рок-театра. Но, кроме того, Джим учился на отделении кинотехники в Калифорнийской школе киноискусства — в 1968 году создал свою кинокомпанию «большая дорога», которая

поставила еще при жизни Джима два фильма, купила права на новеллу Майка Мак Клюэ (кумира андеграунда), собираясь экранизировать его же пьесу с Моррисоном в главной роли и знаменитый роман Карлоса Кастанеды «Учение дона Хуана».

Кем же был Джим Моррисон, с головой бросавшийся во все, что казалось ему новой формой искусства, что давало форму его энергии? Певцом, поэтом, композитором, кинорежиссером, алкоголиком? Или же человеком, понявшим, что нет у него в

этой жизни иного пути, кроме мгновенного пути кометы, спрашивающей от бесконтрольности собственной жизни?

И даже хорошо, что в России нет такой истерии преклонения перед Моррисоном, не выпускаются сумки, куртки, пакеты и рюкзаки с его изображением. Он был чист и далек от этого. Серьезно подходил к искусству и хотел быть понятым серьезно. А

те, кто видел в нем некий фетиш и восторгался его «пьяными хулиганствами», могут и дальше довольно причмокивать, смакуя откровенно неудачные сцены из художественного фильма Оливера Стоуна. С поэзией Джима Моррисона останутся те, для кого он смог стать настоящим другом — до конца.

Александр МАЛЬКЕВИЧ